После симулякров

О Бодрийяре, мнимых сущностях, потреблении и аффективном хищнике

Георгий Маковский

Читать Бодрийяра сегодня странно. Он почувствовал нерв эпохи, которая с тех пор стала ещё более похожей на его описания. Медиа, реклама, политические спектакли, цифровые аватары, синтетические голоса, дипфейки и искусственный интеллект снова заставляют спрашивать, где проходит граница между реальностью и её образом.

Но у этой сильной диагностики есть опасное следствие. Симуляция начинает выглядеть как падение из некогда цельной, настоящей реальности в мир копий и подмен. Сам Бодрийяр сложнее такого прочтения, но именно это впечатление часто остаётся после его текстов.

И здесь возникает главное возражение.

Человек никогда не жил в чистой реальности.

Мы никогда не смотрели на мир глазами существа, не имеющего ни памяти, ни ожиданий, ни имени для встреченного. Даже самое простое узнавание уже опирается на прошлый опыт. Мы замечаем не только предмет, но и то, что он для нас означает, какую опасность или возможность несёт, какие действия делает доступными.

Мы видим не только свет, цвет, движение и поверхность. Мы видим дом, лицо, родину, честь, деньги, власть, любовь, долг, угрозу, надежду. Большинство этих значений не существует как отдельный предмет, который можно положить на стол. Они собираются сознанием, памятью, языком, повторением и культурой. И при этом действуют на нас вполне реально.

Так возникает то, что я называю мнимой сущностью. «Мнимая» не означает ложная или выдуманная. Речь о способе удержания значимого: вещь, отношение или событие обретают устойчивый образ, с которым человек может жить и действовать. Симулякр можно рассмотреть как один из особых случаев такой сборки, но не отождествлять с ней целиком.

Человек, лишённый способности собирать мнимые сущности, не возвращается к подлинности. Он теряет связную картину мира. Поэтому вопрос не в том, как избавиться от симулякров, а в том, как пользоваться созданными образами, не становясь их добычей.

1. Мир до симулякров?

Бодрийяр силён там, где показывает: знак уже не просто сопровождает вещь, а начинает жить собственной жизнью. Автомобиль продаётся как статус, дом — как успех, политик — как медийная фигура, а война становится ещё и телевизионным событием.

Но было ли когда-нибудь иначе в самом основании человеческой культуры? Миф, обряд, герб, храм, корона, родовое имя, воинская слава — разве всё это не удерживалось через образы и коллективное признание?

Разница, конечно, существует. Прежние символические формы были теснее связаны с местом, телом, ритуалом, памятью рода и длительным повторением. Сегодня их производство стало техническим, массовым, быстрым и глобальным. Алгоритмы способны собирать и менять значимости быстрее, чем человек успевает замечать саму сборку.

У прежнего герба за символом стояли род, обряд, присяга и память поколений. У современного бренда — рекламный бюджет, узнаваемая графика и управляемый поток внимания. Эти формы нельзя просто приравнять. Но важно заметить их родство: обе требуют коллективного удержания смысла, иначе превращаются в пустую картинку.

Но это не переход из мира истины в мир образов. Это изменение скорости, масштаба и власти над образами. И потому опасна не мнимость как таковая, а потеря способности понимать, кто и зачем удерживает для нас ту или иную сущность.

2. Симулякр как инструмент

Симулякр не нужно демонизировать. Он похож на нож. В руках хирурга нож спасает, в руках преступника убивает. Его действие зависит не только от формы, но и от того, в какой человеческий контур он включён.

Так же и с мнимыми сущностями. Деньги могут поддерживать обмен и доверие — или превращаться в средство зависимости. Закон способен защищать справедливость — или узаконивать насилие. Репутация помогает ориентироваться — или становится инструментом поклонения и травли. Искусственный интеллект проясняет сложные связи — или производит убедительные иллюзии.

Государство может организовывать совместную жизнь, но может начать требовать её целиком ради собственного продолжения. Бренд способен служить ориентиром качества, а способен продавать пустое чувство принадлежности. В каждом случае действует не абстрактная «сила симулякра», а конкретное распределение доверия, внимания и власти.

Поэтому недостаточно объявить знак подделкой. Нужно смотреть, какую реальную работу он выполняет и кто получает власть благодаря этой работе.

Симуляция не обязательно уничтожает человеческий мир. Во многих случаях она участвует в его сборке. Порча начинается тогда, когда образ перестаёт помогать различать происходящее и начинает подменять его в чьих-то интересах.

3. Потребление и внутренний голод

Критика общества потребления у Бодрийяра относится прежде всего к потреблению знаков: вещь покупают не только ради её назначения, но и ради того, что она сообщает о владельце. Это наблюдение трудно оспорить. Но важно не смешивать знаковое потребление с

потреблением вообще.

Потребление предшествует рынку: живое поддерживает себя через обмен с окружающим миром. Комфорт, вкус, красота и удобство сами по себе не являются признаками упадка.

Растение удерживает энергию света. Животное питается растением. Хищник — другим животным. Человек включает в этот круг не только тело, но и символ: через вещь он получает признание, заявляет о статусе, пытается убедить себя, что принадлежит к желанному миру. Именно здесь биологическое потребление и знаковое начинают переплетаться.

Проблема начинается там, где предмет перестаёт служить жизни и становится способом утолить голод, который предметом не утоляется. Человек покупает не вещь, а спокойствие. Ищет не удобство, а доказательство собственного успеха. Потребляет не информацию, а ощущение контроля.

Он может хорошо есть, любить красивую одежду, обустраивать дом, наслаждаться техникой — и не становиться от этого пленником потребления. Критерий не в количестве вещей сам по себе. Он в том, сохраняет ли человек свободу остановиться и способность отличить потребность от навязанного обещания.

Реклама не изобретает этот голод. Она подключается к уже существующим страху нехватки, желанию признания, потребности в безопасности и стремлению превзойти другого. Этот древний мотивационный слой можно условно назвать рептильным паттерном — не как буквальную схему устройства мозга, а как образ устойчивых импульсов насыщения, защиты и обладания.

Сам по себе этот слой не плох. Без него живое не удержало бы себя. Опасность возникает, когда он подчиняет себе области, где необходимы мера, внимание к другому и способность остановиться.

В повседневности это видно особенно хорошо. Один человек выбирает удобную вещь и забывает о ней, едва начал пользоваться. Другой возвращается к покупке снова и снова: сравнивает себя с чужими фотографиями, ищет следующее подтверждение и постепенно перестаёт различать, где кончается предмет и начинается оценка самого себя.

Тогда человек потребляет уже не предмет. Он потребляет подтверждение себя. И именно в этой точке появляется пространство для эффективного хищника.

4. Эффективный хищник

Эффективный хищник не обязательно груб или откровенно агрессивен. Он может быть обаятельным, образованным, духовным, убедительным. Его главное умение — находить то, чего жаждет аудитория, собирать из этой жажды устойчивый образ и превращать его в ресурс.

Он может вовсе не считать себя злодеем. Иногда он искренне верит в свои слова и даже приносит кому-то пользу. Поэтому узнать его только по лжи или грубому насилию трудно.

Гораздо важнее увидеть, что происходит с теми, кто оказывается внутри созданной им формы.

Люди боятся будущего — и им предлагают образ врага вместе с обещанием порядка. Ищут спасения — и получают фигуру наставника, владеющего единственным путём. Хотят отличаться от других — и покупают бренд как удостоверение собственной исключительности. Жаждут ясного объяснения — и принимают формулу, которая обещает наконец объяснить всё.

Само обращение к человеческим потребностям ещё не делает человека хищником. Граница проходит там, где чужая потребность становится устойчивым источником зависимости: человеку уже не помогают разобраться, а заставляют его снова и снова возвращаться за подтверждением, защитой или посвящением. Это может происходить и без сознательно задуманного обмана.

Тогда он уже не просто предлагает образ, а поддерживает условия, при которых без этого образа человеку страшно, пусто или стыдно. Символ, который мог бы открыть путь, начинает замыкать его на единственного поставщика смысла. Самостоятельное различение подменяется лояльностью.

Здесь появляется парадокс, касающийся и самой критики симулякров. Теория, разоблачающая власть знаков, тоже способна превратиться в знак: её цитируют как пароль интеллектуальной принадлежности, а образ её автора становится самостоятельной мнимой сущностью. Это не опровергает Бодрийяра и не делает его хищником. Напротив, показывает, что даже мыслитель симуляции не находится вне описываемого им мира.

Можно критиковать потребление и одновременно потреблять собственную критическую позу. Можно разоблачать симулякры и жить внутри симулякра разоблачителя. Важно различать мысль, которая помогает видеть, и образ мыслителя, которым удобно украшать себя.

5. Опьянение новыми инструментами

Появление нового инструмента редко сразу сопровождается культурой его использования. Сначала человечество увлекается возможностями, потом обнаруживает последствия и лишь затем пытается выработать меру.

Вспомним хотя бы синтетические материалы: поначалу новизна казалась достаточным основанием применять их повсюду. Позже выяснилось, что для одних задач они незаменимы, а в других уступают старым решениям. Мы научились различать свойства и условия применения — не объявляя материал ни спасением, ни проклятием.

Телевидение научилось не только просвещать, но и захватывать внимание. Интернет расширил доступ к знанию и одновременно создал новые зависимости. Социальные сети дали голос миллионам людей, но превратили признание и тревогу в измеряемый ресурс.

С искусственным интеллектом этот процесс становится особенно напряжённым. Машина уже может создавать тексты, лица и голоса, которые трудно отличить от свидетельства

живого человека. Значит, речь не просто о новом развлечении: под ударом оказываются доверие, авторство и сама привычка считать изображение или запись следом реального события.

Из этого не следует, что ИИ необходимо отвергнуть. Но и нельзя утешаться уверенностью, будто культура сама собой обязательно справится. Потребуются новые навыки различения, правила маркировки, ответственность за подмену и умение не передавать машине окончательное право определять значимое.

Особенность сегодняшнего момента в том, что средство производства образов стало доступно почти каждому, а скорость их распространения многократно превосходит скорость проверки. Там, где раньше требовалось учреждение, студия или редакция, теперь достаточно нескольких команд. Отсюда не только новые свободы, но и новая уязвимость доверия.

Опьянение инструментом — ещё не окончательный диагноз цивилизации. Диагнозом может стать неспособность выработать меру.

6. Гигиена мнимых сущностей

После симулякров нужна не новая скорбь об утраченной подлинности, а дисциплина обращения с образами. Её можно назвать гигиеной мнимых сущностей.

Она не требует отказаться от денег, медиа, технологий, развлечений и потребления. Она предлагает смотреть на них как на формы, которые что-то удерживают и на что-то воздействуют.

Какая мнимая сущность здесь создана? Что делает её убедительной? Кто поддерживает её и кто извлекает из неё ресурс? Какой страх или голод она обслуживает? Помогает ли она человеку различать мир — или предлагает готовый сценарий, в котором уже не требуется собственное суждение?

Главное здесь — не превратить вопросы в ещё одну систему разоблачения, подозревающую ложь во всём. Некоторые мнимые сущности поддерживают жизнь лучше любого формального правила: обещание, уважение, верность, доверие. Гигиена нужна не для их уничтожения, а для того, чтобы они оставались живыми и не превращались в самостоятельные машины подчинения.

Эти вопросы касаются не только рекламы и политики. Их стоит задавать собственным убеждениям, отношениям, любимым теориям и даже собственному образу независимого человека.

Гигиена мнимых сущностей не уничтожает образ. Она возвращает человеку дистанцию, на которой образ снова можно рассмотреть, изменить, принять или отвергнуть. Ведь признать мнимость — не значит объявить нечто ложным. Это значит увидеть труд и интерес, благодаря которым оно продолжает существовать.

7. После Бодрийяра

Будущее не станет менее насыщенным образами. Тем важнее различать, где образ поддерживает живое, а где живое превращается в ресурс для образа.

Мы будем всё чаще встречать чужую речь в синтезированном голосе, знакомое лицо в искусственном изображении, убедительную историю без произошедшего события. Но вместе с этим появятся новые способы учиться, творить, работать с памятью и понимать друг друга. Нельзя оценить такой мир одной формулой о конце реальности.

Мы не вернёмся к миру, в котором вещи говорят сами за себя, без языка, памяти, статуса и ожиданий. Такого человеческого мира никогда не было. Но мы можем учиться видеть собственную работу по его сборке — и работу тех, кто пытается собирать его за нас.

Проблема не в симулякрах. Проблема в хищническом режиме их использования. Не в потреблении, а в потере меры. Не в технологиях, а в том, что человек слишком часто отдаёт им право определять, что для него действительно важно.

Поэтому задача после Бодрийяра — не уничтожить симулякр, а вернуть человеку способность видеть, как он работает.